

УДК: 72.04.012.8

ББК: 75.04

А43

DOI: 10.18688/aa188-3-33

А. И. Долгова

Вещь в интерьере (на примере петербургских особняков конца XIX — начала XX века)¹

Интерес к роли отдельных вещей (предметов, изделий) в искусстве и в жизни существует давно, причём в разных познавательных формах. К этому вопросу обращаются философы, социологи, культурологи, писатели, реже — искусствоведы.

Вспомним несколько трудов. Наверное, самое известное произведение, посвящённое этой теме, — «Система вещей» Ж. Бодрийяра [1], на постулатах которого во многом и базируется данное исследование. Недавно вышедшая книга В. Подороги «Вопрос о вещи: Опыты по аналитической антропологии» [8] свидетельствует о неисчерпаемости темы, поднятой французским социологом ещё в 1968 г. Однако в этих работах вещь (объект, предмет) рассматривается более отвлечённо, в широком культурно-социальном контексте, наибольшее же внимание уделяется отношениям человека и вещи.

Значительное количество статей и книг посвящено вещам и объектам, наделённым ритуальными, мемориальными и другими подобными функциями — как в повседневной жизни человека, так и в искусстве. Особый интерес представляют монография Я. Вудворда “Understanding Material Culture” [17], значительное место в которой занимает рассмотрение различных исторических подходов к изучению материальной культуры, и книга итальянского философа Р. Боден “The Life of Things, the Love of Things” [14], насыщенная примерами и отсылками к классической философии.

Вещи в культуре и дизайне посвящены диссертационные исследования В. С. Дуцева «Человеческое измерение вещного мира культуры» [5] и Т. Ю. Быстровой «Феномен вещи в дизайне: Философско-культурологический анализ» [2]. А в статье А. А. Усмановой «Философия вещи в эпоху модерна (на материале русской культуры конца XIX — начала XX веков)» [10] рассматривается роль предметов в театре, литературе, искусстве избранного нами для рассмотрения периода, в том числе и на примере интерьера особняка С. П. Рябушинского в Москве.

К теме настоящего исследования наиболее близка статья О. Б. Струговой «Вещь в интерьере» [9], посвящённая предметной среде в русском интерьере XVII–XX вв. «Основой интерьера является мебель, — считает автор. — Её характер в первую очередь определяет стиль комнаты, дома, квартиры, отражает индивидуальность хозяев жилья» [9,

¹ Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН на 2018 год, тема 1.2.29.

с. 8]. С этой точки зрения О. Б. Стругова и рассматривает интерьеры разных эпох, останавливаясь в основном на стиле и характере отдельных предметов мебели.

Рассмотрение именно интерьеров частных домов модерна в контексте этой темы видится наиболее продуктивным. Для нового стиля вещь, и в особенности вещь бытовая, оказалась чрезвычайно важна. Именно с неё начались поиски путей обновления искусства, и именно в ней мастера видели средство ввести искусство в повседневную жизнь каждого человека. Домашняя обстановка получила право считаться продуктом творчества. Задача настоящего исследования — выявление некоторых общих тенденций в формировании интерьера этого времени и рассмотрение многогранной темы «вещь в интерьере» на примере петербургских особняков конца XIX — начала XX в.

В 1985 г. философ и культуролог М. Н. Эпштейн предложил концепцию новой гуманитарной дисциплины — реалогии (от лат. *res* — «вещь») — науки «о вещах как формообразующих единицах пространства, границах его смыслового членения, через которые выявляется его ценностная наполненность» [13]. Сравним с этим определением сформулированное нами определение искусства интерьера: «синтетическое пространственное искусство, варьирующее сочетания элементов и продуктов других пространственных искусств, предметов обстановки и оборудования» [4, с. 31].

Очевидно, что они имеют две точки пересечения: вещь (предмет) и пространство. Реалогия рассматривает отдельные вещи (предметы, изделия) как формообразующие единицы пространства — искусство интерьера создаёт пространства, оперируя вещами. Так не является ли конкретный интерьер *мемориалом вещей*, концепцию которого находим у того же Эпштейна?!

Правда, делая акцент на «пережитости и осмысленности данной вещи», на том, «насколько освоена она в духовном опыте владельца», Эпштейн видит такой музей наполненным реалиями, которые лишены «особой материальной, исторической или художественной ценности» [12]. Но вещи в историческом интерьере — те самые элементы и продукты пространственных искусств, предметы обстановки и оборудования — многократно освоены в духовном опыте ремесленника, архитектора, художника, владельца.

Фундаментальное для искусства интерьера соотношение *вещь — пространство* разнится от эпохи к эпохе: в некоторых стилях более ценен предмет, в других — пространство, его окружающее. К тому же изменяется не только роль вещи в формировании интерьера, но и её значение в жизни человека. Если ранее вещь переживала несколько поколений владельцев, то теперь в течение одной человеческой жизни сменяется несколько поколений вещей, что связано как с долговечностью предметов, так и с их актуальностью, соответствием моде.

Ж. Бодрийяр противопоставляет современному интерьеру *традиционный, буржуазный*, в том числе модерновый. Однако модерн (стоит применить к нему характеристики, употребляемые Бодрийяром для того и другого явлений) оказывается *между* этими полюсами. Отметим, что, хотя книга вышла в 1968 г., большинство указанных в ней особенностей интерьеров второй половины XX в. свойственно и внутреннему убранству современных зданий.

Переосмысление роли вещи в модерне и подчёркнутое внимание мастеров к пространству отчасти обусловлены отрицанием искусства периода эклектики — не слу-

чайно модерн иногда называют «антиэkleктическим движением» [3, с. 13]. Именно в сравнении с предыдущим стилем особенности нового становятся более очевидными.

Важнейшей характеристикой интерьера эkleктики была предельная насыщенность, избыточность, сверхзаполненность пространства, связанная с буржуазным представлением о доме как полной чаше [1, с. 125]: предметное изобилие отождествлялось с красотой и уютом [8, с. 13].

В модерне отбор предметов становится более строгим, внимание уделяется функциональному назначению и внешнему виду каждой вещи (здесь уместно вспомнить лозунг О. Вагнера о том, что «бесполезное не может быть красиво»), а также тому, как она гармонирует с прочими вещами, помещёнными в интерьер, каков её вклад в создание искомого зрительного эффекта и эмоциональной наполненности пространства. Общее количество вещей в комнате, особенно имеющих чисто декоративную или мемориальную функцию, уменьшается.

Сравним столовые комнаты в особняке А. Л. Франка (В. В. Шауб; 1898–1900 гг.) (Рис. 1) и доме Ф. Г. Бажанова (П. Ф. Алёшин; 1907–1909 гг.) (Рис. 2). Хотя особняк Франка можно считать одним из наиболее стильных интерьерных ансамблей петербургского модерна, этот памятник относится к ранней фазе развития стиля, поэтому столовая в нём оформлена в духе поздней эkleктики в сочетании с отдельными приёмами и элементами модерна. Аскетичная столовая в доме Бажанова выглядит рядом с ней практически голой.

Мастера модерна возвращают пространству самостоятельную ценность. Если в интерьере *буржуазном* (воспользуемся этим термином Бодрийера за неимением лучшего) проявляется тенденция заполнить, загромождать всё пространство, сделать его замкнутым, то в модерне пространство трактуется как свободное, текучее, динамичное. Дом уподобляется организму, который ведёт собственную жизнь в определённом ритме. Помещения словно перетекают одно в другое, в некоторых случаях границы между отдельными комнатами намеренно размыты. Пространство едва ли не важнее вещи — по крайней мере, равноценно ей. Мастера умело оперируют пустым пространством: используют его как средство выразительности — для выделения и акцентирования особенно значимых предметов, играют с ним, в том числе и с помощью вещей.

Совмещая в интерьерах различные высоты и уровни, используя разнообразные предметы — арки, перегородки, ширмы и зеркала, позволяющие визуальнo раздвинуть стены или разделить помещение на разные функциональные зоны, — архитекторы удовлетворяли и запросы заказчиков, предпочитавших полифункциональные помещения, и собственные эстетические предпочтения. Особенно часто использовались арки, способные не пресекать пространство, как глухие стены, а лишь обозначать границы зон. Например, так был решён переход между будуаром и спальней на Царскосельской даче великого князя Бориса Владимировича. Зеркала (между прочим, по наблюдениям Бодрийера, предмет, практически исчезнувший из интерьера современного) в доме Ф. Г. Бажанова (Рис. 3) и стеклянные перегородки в особняке П. П. Форостовского (К. К. Шмидт, 1900–1901 гг.) используются как средство расширения пространства. В подобные игры вовлекаются и витражи, вернувшиеся в петербургские дома на рубеже веков.

Рис. 1. Столовая в особняке А. Л. Франка. 1898–1900 гг. Арх. В. В. Шауб. Фотография 1910-х гг.

Рис. 2. Большая столовая в Доме Торгово-промышленного товарищества Ф. Г. Бажанова и А. П. Чувалдиной. 1907–1909 гг. Арх. П. Ф. Алёшин. Фотография 1910-х гг. ЦГАКФД СПб

Рис. 3. Отражение парадной анфилады и камина в приёмной в зеркале Белого зала.
Дом Торгово-промышленного товарищества Ф. Г. Бажанова и А. П. Чуваддиной. Фотография 1910-х гг.
ГНАСБ им. В. И. Заболотного

Мебель эклектики отличается монументальностью, монофункциональностью, несменяемостью, внушительностью присутствия [1, с. 11]. Она призвана выражать верность традициям и подчёркивать авторитет владельца. Предметы часто располагаются на одной оси, что «обеспечивает регулярную последовательность поступков» [1, с. 11]. А современным интерьерам, по словам Бодрийера, свойственны чисто функциональные решения и отсутствие стиля, связанное в первую очередь с отсутствием места [1, с. 13].

Модерн находится меж этих двух крайностей: число вещей-монументов уменьшается, формы мебели становятся легче, изящнее, а функциональности предметов уделяется значительное внимание: распространение получает комбинированная, складная мебель. Меняется и подход к расстановке мебели как к способу «особой обработки пространства» [1, с. 25]. С её помощью, как было упомянуто выше, внутри помещения выделяются особые зоны. Иными становятся и *взаимоотношения* предметов мебели друг с другом.

Показательны интерьеры собственного дома архитектора К. К. Шмидта в Павловске (1902–1903 гг.) (Рис. 4). Стены комнат были обшиты деревянными панелями. В обстановке широко использовалась встроенная и комбинированная мебель. Б. М. Кириков отмечает что, благодаря этому было достигнуто «ощущение неразрывной спаянности элементов обстановки. В столовой стенные панели срастались с буфетами, в кабинете угловые пристенные диванчики соединялись со шкафчиками. Короткими решётками

Рис. 4. Собственный дом архитектора К. К. Шмидта. 1902–1903 гг. Спальня родителей. Фотография 1900-х гг. [10, с. 85]

суровый мужественный облик, для его комнат были сшиты ковры из «толстого солдатского сукна»².

Меняются и прочие предметы, наполняющие комнаты. Одинаково значимыми оказываются прагматическая функциональность вещей (так, П. Ф. Алёшин подчеркивает наличие в выстроенном им доме ряда «особенно ценных устройств, обычно весьма редко встречаемых, а некоторых и совершенно не применяющихся в домах Петербурга»³) и их эстетические качества, которые Бодрийяр относит к разряду необъективного и несущественного, приводя в качестве примера кофемолку: «...в ней структурно „существенное“, то есть самое конкретно-объективное, — это электромотор, энергия, получаемая с электростанции <...>; уже менее объективна, так как связана с потребностями того или иного человека, её конкретная функция помола кофе; и уж совсем необъективно, а стало быть, несущественно, то, что она зелёная и квадратная, а не розовая и трапециеобразная» [1, с. 7–8].

Подчеркнём, что отмечаемая Бодрийяром необъективность, связанная «с потребностями того или иного человека», особенно важна для мастеров модерна. При разра-

вычленились камерные уголки — закуток для детей в столовой, отсек спальни у балкона» [11, с. 229].

Стремясь к созданию целостного ансамбля, архитекторы и художники зачастую разрабатывали проект оформления вплоть до самых мелочей. Важно было, из чего изготовлен ковёр на полу, ваза на полке, даже дверная ручка, не говоря уже о сделанных по особому заказу мебельных гарнитурах. А книги заказов фабрики Ф. Мельцера дают представление о том, как именно обставлялись комнаты. На их страницах немало указаний изготовить ту или иную деталь убранства по представленному, вероятно архитектором, рисунку и уточнений, из какого материала должен быть выполнен тот или иной предмет. Так, под влиянием использования в отделке собственного дома Р. Ф. Мельцера на Каменном острове (1904–1906) бревенчатых срубных конструкций, придавших интерьеру

² ЦГИА СПб. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 62. Л. 36 об., 37.

³ ЦГАМЛИ Украины. Ф. 8. Оп. 1. Д. 273. Л. 9.

ботке внутреннего убранства дома они уделяли особое внимание отражению личности заказчика, стремясь создать *субъективный* интерьер, предназначенный для жизни конкретной семьи. Фигура хозяина как бы включалась в обстановку дома, дополняла её.

Вспомним фельетон А. Лооса «О бедном богатом человеке», в котором автор высмеивает идею Gesamtkunstwerk и методы работы архитекторов рубежа веков: «Каждая комната была завершённой симфонией цвета. Стены, мебель и ткани сочетались друг с другом изысканнейшим образом. Каждый предмет имел своё определённое место, и вещи составляли между собой самые чудесные комбинации. Ничто, абсолютно ничто не было забыто архитектором. Пепельницы, столовые приборы, гасильники — всё было создано им. Но это было не просто архитектурное искусство. Нет! В каждом орнаменте, в форме каждого предмета, даже гвоздя, отражалась личность владельца. То был итог психологической работы, сложность которой очевидна любому» [16, S.1] (перевод мой. — А.Д.).

Однако при этом важно отметить и другую тенденцию, свойственную, как считает французский социолог, современному интерьеру, — исчезновение семейного портрета. В современных интерьерах практически нельзя встретить «свадебной фотографии в супружеской спальне, ростового или [по]грудного портрета хозяина дома в гостиной, развешанных повсюду изображений детей» [1, с. 18]. На сохранившихся снимках интерьеров конца XIX — начала XX в. фотографии обнаруживаются лишь в комнатах некоторых дам. Однако справедливости ради надо признать, что в основном до нас дошли снимки и интерьеры парадных комнат, в которых более всего ценится репрезентативность и утончённость. Здесь демонстрируют ритуальное гостеприимство, а не домашний быт [1, с. 39]. В жилых покоях фотографий, вероятно, бывало больше, хотя и там живописный погрудный портрет хозяина дома вряд ли мог бы встретиться. Очевидно, в жилых комнатах должны были располагаться и небольшие предметы, имевшие для хозяев сентиментальную и мемориальную ценность.

Искусство модерна отличается двойственностью и противоречивостью. Одним из противоречий стиля было стремление к индивидуализации, уникальности в сочетании с идеей массового распространения. Именно в это время произведения искусства стали тиражироваться и во многих домах, в том числе и петербургских, появились статуэтки, светильники и мебель узнаваемых форм.

Промышленность, по словам А. ван де Вельде, «обогатила искусство, включив в его сферу то, что подразумевается теперь под широким понятием „прикладные искусства“» [6, с. 84]. «Образцы массового производства теперь могли встать рядом с рукотворными шедеврами и на равных соперничать с ними» [9, с. 103].

В интерьерах петербургского модерна, несмотря на их функциональность, можно встретить и «мифологизированные» вещи или вещи, перемещённые из области бытия в область имущественности и престижа [1, с. 66]. Такие предметы, как пишет Бодрийяр, минимально функциональны и максимально значимы [1, с. 68]. Например, камин на былинный сюжет «Встреча Микулы Селяниновича и Вольги», установленный в доме Ф. Г. Бажанова, хотя и мог применяться по назначению, но при наличии самой современной системы отопления не был функционально необходим. Тем не менее именно

камин стал доминирующим центром приёмной, и все остальные элементы оформления были разработаны в соответствии с ним.

Поскольку отдельные предметы обладают большей степенью стилизации, нежели интерьер в целом, для петербургского модерна довольно типична ситуация, в которой некоторые вещи становятся своеобразным камертоном, задают тон всему оформлению, интенсивнее остальных «фокусируют на себе пространство», а другие, напротив, кажутся в помещении чужеродными. На практике интерьеры этого времени редко были выдержаны в одном стиле, так что вопрос об атрибуции помещения, наполненного предметами различных эпох и стилей, является интересным и дискуссионным. Определение критериев, в соответствии с которыми можно было бы оценивать степень «стильности» того или иного интерьера, — дело будущего. Такой прагматичный, формализованный подход, учитывающий как наличие нескольких характерных для стиля черт и, возможно, вещей (предметов), так и их преобладание, помог бы при атрибуции сохранившихся интерьеров этого времени.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. — М.: Рудомино, 1995. — 174 с.
2. Быстрова Т. Ю. Феномен вещи в дизайне: Философско-культурологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Екатеринбург, 2003. — 42 с.
3. Горюнов В. С., Тубли М. П. Архитектура эпохи модерна: Концепции. Направления. Мастера. — СПб.: Стройиздат, 1992. — 360 с.
4. Долгова А. И. Интерьер петербургского модерна. Особняки и дачи: дис. ... канд. искусствоведения. — СПб., 2015. — 187 с.
5. Долгова А. И. Модерн и исторические стили в интерьере петербургских особняков конца XIX — начала XX века // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 5 / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. — СПб.: НП-Принт, 2015. — С. 636–645. URL: <http://dx.doi.org/10.18688/aa155-6-69> (дата обращения: 02.03.2017).
6. Дуцев В. С. Человеческое измерение вещного мира культуры: дис. ... канд. филос. наук. — Нижний Новгород, 2002. — 173 с.
7. Мастера архитектуры об архитектуре: Избранные отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов. Зарубежная архитектура: конец XIX–XX век. — М.: Искусство, 1972. — 590 с.
8. Подорога В. Вопрос о вещи: Опыты по аналитической антропологии. — М.: Grundrisse, 2016. — 348 с.
9. Стругова О. Б. Вещь в интерьере // Русское искусство. — 2011. — № 3. — С. 6–15.
10. Усманова А. А. Философия вещи в эпоху модерна: (на материале русской культуры конца XIX — начала XX веков) // Вестник Пермского университета: Философия. Психология. Социология. — 2013. — Вып. 2 (14). — С. 102–107.
11. Фогт Э., Кириков Б. М. Архитектор Карл Шмидт: Жизнь и творчество. — СПб.: Коло, 2011. — 268 с.
12. Эпштейн М. Н. Вещь и слово. О лирическом музее // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/localtxt/epsh/tein/epshtein_m/parad_nov/33.htm (дата обращения: 30.01.2017)
13. Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/localtxt/epsh/tein/epshtein_m/parad_nov/36.htm (дата обращения: 30.01.2017).
14. Bodei R. The Life of Things, the Love of Things. — New York: Fordham University Press, 2015. — 133 p.
15. Fuller R. Jean Baudrillard, Design Theorist // Tradition, Transition, Trajectories: Major or Minor Influences. Proceedings of the 9th International Committee of Design History and Design Studies conference. — Dec. 2014. — Vol. 1. — No. 5. — P. 104–107.
16. Loos A. Vom armen reichen Manne // Neues Wiener Tagblatt. — 26.04.1900. — № 113. — S. 1–2.
17. Woodward I. Understanding Material Culture. — Los Angeles: Sage, 2007. — 191 p.

Название статьи. Вещь в интерьере (на примере петербургских особняков конца XIX — начала XX века).

Сведения об авторе. Долгова Анастасия Игоревна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник. Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, ул. Душинская, д. 9, Москва, Российская Федерация, 111024. anastasiadolgova@gmail.com

Аннотация. Задача настоящего исследования — выявление некоторых общих тенденций в формировании интерьера модерна и рассмотрение многогранной темы «вещь в интерьере» на примере петербургских особняков конца XIX — начала XX в. В качестве теоретической основы использована работа Жана Бодрийяра «Система вещей».

Рассмотрение в этом контексте именно интерьеров частных домов модерна представляется особенно продуктивным. Для нового стиля вещь оказалась чрезвычайно важна. Именно с неё начались поиски путей обновления искусства, и именно в ней мастера видели средство ввести искусство в повседневную жизнь каждого человека.

В статье затронуты вопросы о взаимоотношении вещи и пространства, противопоставлении современного и традиционного интерьеров; отборе и характеров предметов, их наполнявших; субъективности интерьеров модерна и мифологизации отдельных предметов.

Ключевые слова: особняки; архитектура петербургского модерна; оформление интерьера; декоративно-прикладное искусство; мебель; объект; вещь.

Title. An Object in the Interior by the Example of St. Petersburg Mansions of the Late 19th — Early 20th Century.

Author. Dolgova, Anastasia Igorevna — Ph. D., senior researcher. Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation, Dushinskaia ul., 9, 111024 Moscow, Russian Federation. anastasiadolgova@gmail.com

Abstract. The purpose of the research is the identification of some common trends in Art Nouveau interior and the examination of the theme “an object in the interior” by the example of St. Petersburg mansions built in the late 19th — beginning of 20th century. Classical Jean Baudrillard’s work “The System of Objects” has been used as a theoretical basis.

The examination of interiors of Art Nouveau private houses in this context appears particularly productive. Things and objects proved to be extremely important for the new style. At this point, the search for ways to modernize art has begun, and through these objects the artists tried to introduce art into everyday life of every person.

The article addresses the issues of the relationship between things/objects and space, the opposition between modern and traditional interiors, the selection of objects that fill them, the subjectivity of Art Nouveau interiors, and the mythologization of individual items.

Keywords: city residences; mansions; St. Petersburg Art Nouveau; Art Nouveau architecture; interior decoration; furniture; applied arts; objects.

References

- Bodei R. *The Life of Things, the Love of Things*. New York, Fordham University Press Publ., 2015. 133 p.
- Bodriiari Zh. *Sistema veshchei (System of Objects)*. Moscow, Rudomino Publ., 1995. 174 p. (in Russian).
- Bystrova T. Iu. *Fenomen veshchi v dizaine: Filosofsko-kul'turologicheskii analiz (Phenomenon of the Object in the Design: The Philosophical and Cultural Analysis)*. Yekaterinburg, [s. n.], 2003. 42 p. (in Russian).
- Dolgova A. I. Art Nouveau and Historical Styles in the Interior of St. Petersburg Mansions in the Late 19th — Early 20th Century. *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles, vol. 5*. S. V. Mal'tseva; E. Yu. Stanyukovich-Denisova; A. V. Zakharova (eds.). Saint Petersburg, NP-Print Publ., 2015, pp. 636–645. Available at: <http://dx.doi.org/10.18688/aa155-6-69> (accessed 02 March 2017) (in Russian).
- Dutsev V. S. *Chelovecheskoe izmerenie veshchnogo mira kul'tury (The Human Dimension of the Objective World of Culture)*. Nizhny Novgorod, [s. n.], 2002. 173 p. (in Russian).
- Epshstein M. N. Paradoxes of Novelty. *Vologodskaia oblastnaia universal'naia nauchnaia biblioteka (Vologda Regional Universal Scientific Library)*. Available at: http://www.booksite.ru/localtxt/epshtein/epshtein_m/parad_nov/36.htm (accessed 30 January 2017) (in Russian).

Epshtein M. N. Thing and Word. About Lyrical Museum. *Vologodskaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka (Vologda Regional Universal Scientific Library)*. Available at: http://www.booksite.ru/localtxt/epsh/tein/epshtein_m/parad_nov/33 (accessed 30 January 2017) (in Russian).

Fogt E.; Kirikov B. M. *Arkhitekt Karl Shmidt: Zhizn' i tvorchestvo (Architect Karl Schmidt: Life and Work)*. Saint Petersburg, Kolo Publ., 2011. 268 p. (in Russian).

Fuller R. Jean Baudrillard, Design Theorist. *Tradition, Transition, Trajectories: Major or Minor Influences. Proceedings of the 9th International Committee of Design History and Design Studies conference*, Dec. 2014, vol. 1, no. 5, pp. 104–107.

Goriunov V. S.; Tubli M. P. *Arkhitektura epokhi moderna: Kontseptsii. Napravleniia. Mastera (The Architecture of Art Nouveau Era: Concepts. Movements. Artists)*. Saint Petersburg, Stroizdat Publ., 1992. 360 p. (in Russian).

Ikonnikov A. V. (ed.). *Mastera arkhitektury ob arkhitekture: Izbrannye otryvki iz pisem, statei, vystuplenii i traktatov (Architects about Architecture: Selected Excerpts from Letters, Articles, Speeches and Treatises)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972. 590 p. (in Russian).

Loos A. Vom armen reichen Manne. *Neues Wiener Tagblatt*, 26.04.1900, no. 113, pp. 1–2 (in German).

Podoroga V. *Vopros o veshchi: Opyty po analiticheskoi antropologii (The Issue of the Things: Experiments in Analytical Anthropology)*. Moscow, Grundrisse Publ., 2016. 348 p. (in Russian).

Strugova O. B. Object in the Interior. *Russkoe iskusstvo (Russian Art)*, 2011, no. 3, pp. 6–15 (in Russian).

Usmanova A. A. The Philosophy of Things in the Era of Art Nouveau (Based on the Russian Culture of the Late 19th — Early 20th Century). *Vestnik Permskogo universiteta: Filosofii. Psikhologii. Sotsiologii (Bulletin of Perm State University: Philosophy. Psychology. Sociology)*, 2013, no. 2 (14), pp. 102–107 (in Russian).

Woodward I. *Understanding Material Culture*. Los Angeles, Sage Publ., 2007. 191 p.